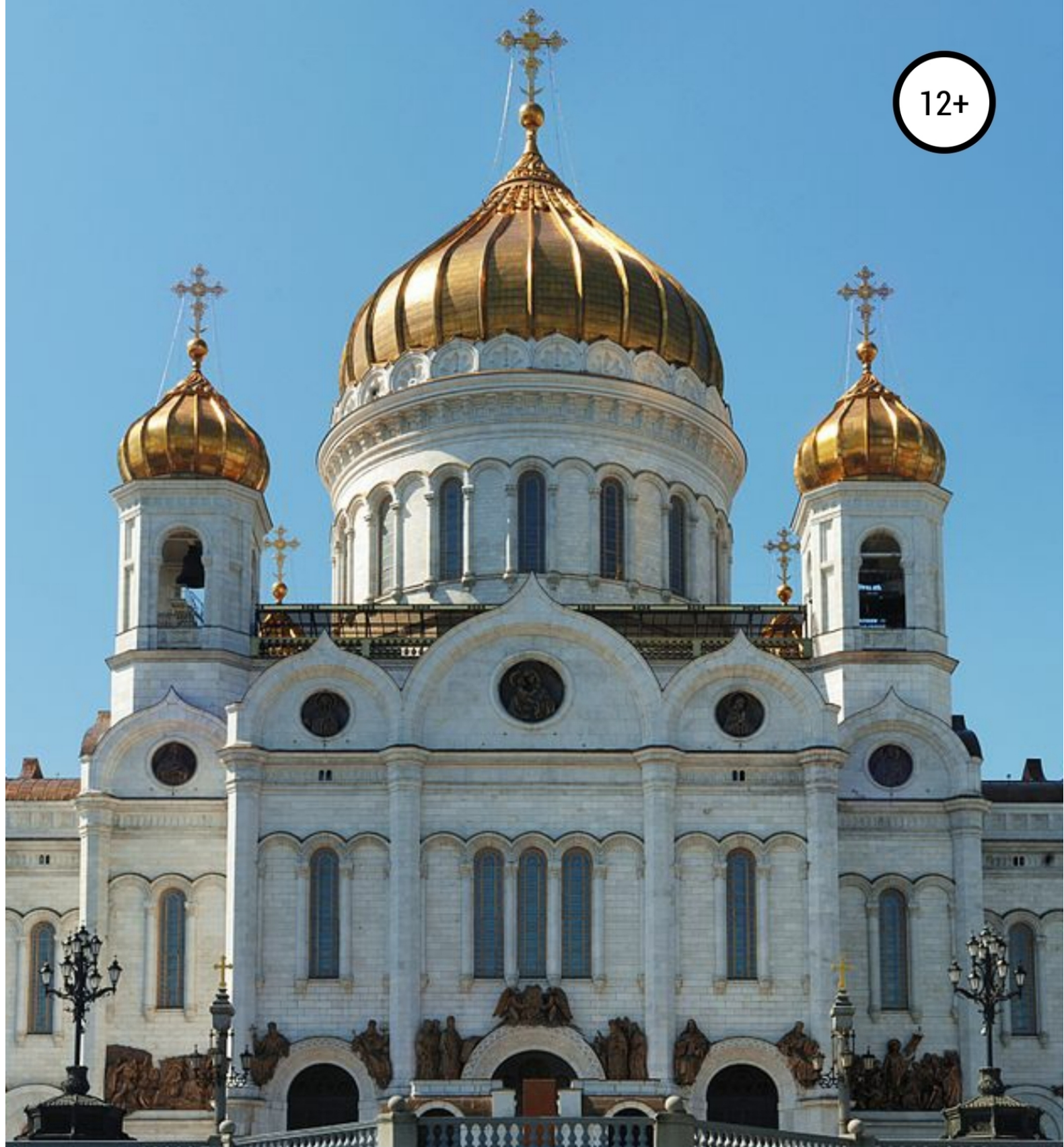

12+

Сергей Сажин

Сила Божия в немощи совершается

Сергей Сажин

**Сила Божия в
немощи совершается**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сажин С. М.

Сила Божия в немощи совершается / С. М. Сажин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-03624-6

Каждый из нас сталкивался с болью и знает, что такое болезнь и физические страдания. Как тяжело бывает в такие минуты не то что молиться и думать о Боге, а просто не впасть в уныние, раздражительность или отчаяние. Эта книга адресована людям, находящимся на одре болезни и нуждающимся в духовном утешении. Здесь собраны жития наиболее почитаемых святых, которые, несмотря на свои тяжелые болезни, не утратили веры в Бога и упования на Его милосердие. Своей жизнью они показали нам, что болезни не только не мешают, а наоборот, помогают нам следовать по пути спасения наших душ.

ISBN 978-5-532-03624-6

© Сажин С. М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Преподобный Амвросий Оптинский	5
Житие	6
Слово на погребении старца отца Амвросия	14
Поучения старца Амвросия о перенесении болезней	16
Молитвы к преподобному Амвросию Оптинскому	18
Блаженная Матрона Московская	19
Житие	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Преподобный Амвросий Оптинский

Святые отцы, говоря о Церкви в земном аспекте её бытия, обращают наше внимание на то, что Церковь есть общество не святых, а освящающихся в ней людей. В лоне Православной Церкви, каждый из нас может приобщиться Святости Божией в той мере, в какой принадлежит единому Телу Христову, неустанно следует избранному пути совершенствования в добродетели и возрастания любви к Богу и своим ближним.

Апостол Пётр, во главу добродетелей, возводящих человека на небо, ставит любовь (2Пет.1,3-8), а апостол Павел (1Кор.13, 4-8), описывая свойства любви, говорит о её простоте, несложности. Настоящая любовь всегда проста. Она не ищет своего, не завидует, не мыслит зла, всё переносит, всё терпит... Настоящая любовь просто есть – и есть не за что-то, а потому что, не ради чего-то, а потому что она – Любовь.

Обрести такую любовь – задача всей нашей жизни. Задача не простая, но вполне реальная. И примером тому для нас является целый сонм святых, явивших эту любовь в своей жизни. Одним из таких великих святых Православной Церкви является преподобный Амвросий Оптинский.

Его любовь к Богу и к людям, независимо от их образования и положения в обществе, привлекала к нему как простых людей, так и образованной интеллигенции. Сердце старца было открыто для всех. К нему обращались Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, философ В. С. Соловьев, писатель и философ К. Н. Леонтьев и многие, многие другие.

Житие

Преподобный Амвросий родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье Михаила Федоровича и Марфы Николаевны Гренковых. Его отец был пономарем, а дед – священником храма Пресвятой Троицы в Большой Липовице.

Накануне рождения младенца в доме было много гостей, собравшихся на праздник благоверного великого князя Александра Невского, память которого празднуется 23 ноября. Говоря об обстоятельствах своего рождения, отец Амвросий любил пошутить: «Как на людях родился, так все на людях и живу». При крещении новорожденному дано было имя Александр в честь святого благоверного князя.

В детстве Александр был очень бойкий, веселый и смысленный мальчик. По обычаю, того времени, учился он читать по славянскому букварю, Часослову и Псалтири. Каждый праздник он вместе с отцом пел и читал на клиросе. Он никогда не видал и не слышал ничего худого, так как воспитывался в строго церковной и религиозной среде.

Когда мальчику исполнилось 12 лет, родители определили его в первый класс Тамбовского духовного училища, по окончании которого в 1830 году он поступил в Тамбовскую духовную семинарию. И в училище, и в семинарии, Александр Гренков учился очень хорошо. ««Гренков мало занимается», – говорил его товарищ по семинарии, – а придет в класс, станет отвечать, точно, как по писанному, лучше всех».

Обладая от природы веселым и живым нравом, он всегда был душой общества молодых людей. В семинарии любимым занятием Александра было изучение Священного Писания, богословских, исторических и словесных наук. И поэтому, ему, никогда и в голову не приходила мысль о монастыре, хотя некоторые и предрекли ему об этом. За год до окончания семинарии он тяжело заболел.

Вот как рассказывал об этом сам старец: «Надежды на выздоровление было очень мало. Почти все отчаялись в моем выздоровлении; мало надеялся на него и сам я. Послали за духовником. Он долго не ехал. Я сказал: "Прощай, Божий свет!" И тут же дал обещание Господу, что если Он меня воздвигнет здоровым от одра болезни, то я непременно пойду в монастырь».

Целый год семинарской жизни, проведенной им в кругу веселого общества молодых товарищей, не мог не ослабить его ревности к монашеству, так что и по окончании семинарского курса он не сразу решился поступить в монастырь.

7 марта 1838 года Александр Михайлович Гренков был утвержден в должности учителя первого класса Липецкого духовного училища. Наставники жили при училище, в здании, расположенном во дворе. Но, часто вспоминая о данном обете идти в монастырь, он всегда чувствовал угрызение совести.

Вот как сам старец рассказывал об этом периоде своей жизни: «После выздоровления я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости... Придешь домой – на душе неспокойно; и думаешь: ну, теперь уже все кончено навсегда – совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости и опять наболтаешь. И так я мучился целых четыре года».

Летом 1839 года по дороге на богомолье в Троице-Сергиеву лавру Александр Михайлович вместе с другом своим П. С. Покровским заехали в Троекурово к известному затворнику о. Илариону. Святой подвижник принял молодых людей отечески и дал Александру Михайловичу вполне определенное указание: «Иди в Оптину Пустынь – и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет теперь никаких опытных старцев, как прежде» (преподобный Серафим незадолго перед этим скончался). И прибавил знаменательные слова: «Ты там нужен».

У гробницы преподобного Сергия, в горячей молитве испрашивал благословение на новую жизнь. Но, вернувшись в Липецк, Александр Михайлович продолжал, по его словам, еще «жаться». Но, после одного вечера в гостях, воображению Александра представился его обет, данный Богу, вспомнилось ему горение духа в Троицкой Лавре, прежние долгие молитвы, вздыхания и слезы, определение Божие, переданное через о. Иллариона...

На утро решимость уйти в Оптину Пустынь на этот раз твердо созрела. Опасаясь, что уговоры родных и знакомых поколеблют его, Александр решил бежать в Оптину тайно от всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства. Уже находясь в Оптиной, он доложил о своем намерении Тамбовскому архиерею.

8 октября 1839 года, прибыв в Оптину, Александр Михайлович застал при жизни самый цвет ее монашества – таких ее столпов, как игумена Моисея, старцев Льва (Леонида) и Макария. Начальником скита был равный им по духовной высоте иеросхимонах Антоний, брат о. Моисея, подвижник и прозорливец.

Духовный руководитель Оптинской братии старец схиархимандрит Лев с любовью принял Александра Михайловича и благословил предварительно пожить на монастырском гостинном дворе. Живя в гостинице, он ежедневно посещал старца, слушал его наставления, а в свободное время, по его поручению, переводил рукопись «Грешных спасение» с новогреческого языка.

Полгода шла канцелярская переписка с епархиальными властями по поводу его исчезновения. Только 2 апреля 1840 г. последовал указ Калужской духовной консистории об определении Александра Михайловича Гренкова в число братства, и вскоре за тем он был одет в монашеское платье. Работал Александр в монастырской пекарне, варил дрожжи, пек просфоры, хлеб.

Он был некоторое время келейником старца Льва и его чтецом. В ноябре 1840 года послушника Александра перевели в Предтеченский скит, где он прожил около пятидесяти лет. Переход в Предтеченский скит совершился по благословению старцев Леонида и Макария, которые сочли, что молодому послушнику полезно будет жить в более безмолвном месте.

Послушник Александр год пробыл помощником повара на кухне, а потом был назначен главным поваром скита. Он продолжал посещать старца Леонида в монастыре, рядом был и старец Макарий, к нему Александр часто обращался за советом по разным вопросам.

Старец Леонид особенно любил молодого послушника, выделял его среди остальных, ласково называя Сашей. Но из воспитательных побуждений нередко испытывал на людях его смирение: делал вид, что сердится на него, даже дал ему прозвище «химера» (так в народе называют пустоцвет на огурцах).

Как-то старец при всех в гневе обрушился на послушника Александра и даже выгнал его из кельи, но оставшимся посетителям, в недоумении наблюдавшим эту сцену, сказал: «Великий будет человек». Даже в шутках, которыми отец Леонид часто прикрывал свою прозорливость, он предрекал Александру большую будущность.

Однажды старец со смехом надел ему на голову шапку с головы монахини, стоявшей среди посетителей, возможно, этим он предсказал предстоящие заботы отца Амвросия об устройении женских обителей.

В 1841 году, предчувствуя близкую смерть, старец Леонид призвал отца Макария и сказал ему о послушнике Александре: «Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь». Отец Макарий исполнил волю старца.

После смерти старца Леонида брат Александр стал келейником отца Макария и исполнял это послушание около четырех лет. В 1842 году он был пострижен в мантию с именем Амвросий (в честь святителя Амвросия Медиоланского). В 1843 году последовало рукоположение в иеродиаконы, а через три года – в иеромонахи.

Для этой цели (посвящения) о. Амвросий поехал в Калугу. Был сильный холод. О. Амвросий, изнуренный постом, схватил сильную простуду, отразившуюся на внутренних органах. С этих пор уже никогда не мог поправиться по-настоящему.

Вначале, когда о. Амвросий еще как-то держался, приезжал в Оптину преосвященный Николай Калужский. Он сказал ему: «А ты помогай о. Макарию в духовничестве. Он уже стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». А о. Амвросию было тогда 34 года.

Ему часто приходилось иметь дело с посетителями, передавать старцу их вопросы и давать от старца ответы. В начале сентября 1846 года отец Амвросий вновь заболел и так серьезно, что уже не надеялись на выздоровление, и он был келейно пострижен в схиму с сохранением имени Амвросия. Эта тяжелая болезнь продолжалась более года и имела очень большое значение для внутренней духовной жизни отца Амвросия.

Чувствуя крайнюю слабость и потеряв надежду на улучшение здоровья, он в декабре 1847 года подал прошение об оставлении его в обители за штатом. На основании заключения уездного врача Калужское епархиальное начальство признало иеромонаха Амвросия неспособным ни к каким монастырским послушаниям и постановило исключить его из штата братии Оптиной Пустыни, оставив его на пропитании и призрении обители.

В это время отцу Амвросию было всего только 36 лет. С тех пор он уже не мог совершать Литургии; еле передвигался, страдал от испарины. Не выносил холода и сквозняков. Пищу употреблял жидкую, перетирал теркой, вкушал очень мало... Но подвижник никогда не унывал и признавался, что телесная немощь благотворно действует на его душу.

Через некоторое время, неожиданно для всех, больной начал потихоньку поправляться и даже выходить на улицу для прогулок. Батюшка вспоминал, как он в первый раз вышел на воздух летом 1848 года: «В летний ясный тихий день вышел я впервые из келлии и побрел, опираясь на палку, едва передвигая ноги, по дорожке за сажелкой. (Это самая уединенная дорожка внутри скита, вдоль восточной стены.)

Первым навстречу мне попался игумен Варлаам (бывший Валаамский настоятель). "Ну, что, – спрашивает, – поправляешься?" – "Да, вот, — отвечаю, – слава Милосердому Богу, оставил на покаяние". Отец игумен остановился и, глядя на меня, начал говорить смиряющим тоном: "А что ж ты думаешь, – лучше что ли будешь? Нет, не будешь лучше: хуже, хуже будешь". Вот теперь и сам вижу, что стал хуже».

В дальнейшем приступы болезни неоднократно повторялись, иногда угрожая жизни подвижника. Это положение сильнее аскетических подвигов способствовало его духовному укреплению, он, можно сказать, привык находиться на грани жизни и смерти, что само по себе освобождает от всяких земных привязанностей, заставляет жить одной надеждой на помощь Божию.

Отец Амвросий переносил болезнь без ропота, с благодарностью Господу. Всё это время незримо происходило возрастание в немощном телесно монахе разнообразных духовных дарований. Несмотря на это, он не только не скорбел о своих болезнях, но даже считал их необходимыми для своего духовного преуспеяния. И другим, поэтому всегда говорил: «Монаху не следует серьезно лечиться, а только подлечиваться», для того, конечно, чтобы не лежать в постели и не быть в тягость другим. Так и сам он постоянно подлечивался.

Зная из учения святых отцов-подвижников, что телесная болезнь выше и крепче поста, трудов и подвигов телесных, он в напоминание себе, в назидание и утешение своим недужным ученикам имел обыкновение говорить: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения».

Несмотря на болезнь, послушание отца Амвросия к своему старцу, батюшке отцу Макарию, как и раньше, было беспрекословное. Теперь на него была возложена переводческая работа, приготовление к изданию святоотеческих книг.

Им была переведена на легкий общепонятный славянский язык «Лествица» Иоанна, игумена Синайского. Рядом со старцем монах Амвросий не только возрастал и совершенствовался сам, но и проходил бесценную школу старческого окормления – и на собственном опыте, и на примере того, как старец общался с народом – давал советы, утешал, молился, увещевал. Еще при жизни старца Макария, с его благословения, некоторые из братии приходили к отцу Амвросию для исповеди и за советом.

Отец Амвросий получил благословение на духовное окормление братии в очень молодом по монастырским меркам возрасте – ему не было и 40 лет, но таково было доверие к нему опытных отцов, видевших его редкие дарования. Когда старец Макарий скончался, отец Амвросий постепенно был поставлен на его место, но он не сразу был признан братией преемником старца.

С течением времени слух о духовной опытности и мудрости отца Амвросия все более и более распространялся, число обращающихся к нему за советом и помощью возрастало. Через 40 дней после кончины старца Макария отец Амвросий перешел на жительство в корпус рядом со скитской оградой, с правой стороны от колокольни.

На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая «хибаркой», для приема женщин (в скит их не пускали). Тридцать лет, до отъезда в Шамордино, прожил здесь отец Амвросий, служа своим ближним. Повседневная жизнь старца Амвросия начиналась с келейного правила.

Для слушания утреннего правила он вставал в 4 часа утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали: утренние молитвы, 12 избранных псалмов и первый час, после чего он наедине пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, старец слушал часы третий, шестой с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, которые он выслушивал стоя.

О. Амвросий не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Как-то раз читали молебный канон Богородице, и один из скитских иеромонахов решился в это время подойти к батюшке.

Глаза о. Амвросия были устремлены на небо, лицо сияло радостью, яркое сияние почило на нем. Такие случаи, когда исполненное дивной доброты лицо старца чудесно преображалось, озаряясь благодатным светом, почти всегда происходили в утренние часы во время или после его молитвенного правила.

После молитвы и чаепития начинался трудовой день с небольшим перерывом в обеденную пору. За едой келейники продолжали задавать вопросы по поручению посетителей. Но иногда, чтобы сколько-нибудь облегчить отуманенную голову, старец приказывал прочесть себе одну или две басни Крылова.

После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся – и так до глубокого вечера. Несмотря на крайнее обессиление и болезненность старца, день всегда заканчивался вечерними молитвенными правилами, состоявшими из малого повечерия, канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв.

От целодневных докладов келейники, то и дело приводившие к старцу и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам старец временами лежал без чувств. После правила старец испрашивал прощения, если кого обидел делом, словом, помышлением. Келейники принимали благословение и направлялись к выходу.

Через два года старца постигла новая болезнь. Здоровье его, и без того слабое, совсем ослабело. С тех пор он уже не мог ходить в храм Божий и должен был причащаться в келлии. И такие тяжелые ухудшения повторялись не раз.

Трудно представить себе, как он мог, будучи пригвожденным к такому страдальческому кресту, в полном изнеможении сил принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем. На нем сбывались слова: «...сила Моя в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9).

Не будь он избранным сосудом Божиим, через который Сам Бог вещал и действовал, такой подвиг, такой гигантский труд не мог быть осуществим никакими человеческими силами. Животворящая Божественная благодать явно присутствовала и содействовала.

С утра и до вечера удрученный недугом старец принимал посетителей. Однажды доктора запретили отцу Амвросию принимать посетителей, но он все равно продолжал принимать народ.

Чтобы остановить приходящих, постоянно осаждавших келью отца Амвросия, к двери прикрепили записку: «Врачи запрещают Старцу принимать посетителей», но и это не особенно подействовало на посетителей. Старец с великим смирением переносил свои болезни, никогда не жалуясь, но изредка приоткрывал степень своих страданий.

Однажды на общем благословении он сказал своим посетительницам, что всю ночь не спал. Все начали расспрашивать, от чего, да как же это, на что старец сказал: «Вот все могут говорить о своих болезнях, а я и не говори: начнутся оханья, слезы; потому если и скажу иногда, то только часть; а если бы знали все, что я чувствую... Иногда так прижмет, что думаю, – вот пришел конец».

К нему приходили люди с самыми жгучими вопросами, которые он усваивал себе, которыми в минуту беседы жил. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ.

Для него не существовало тайн: он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь, и его обстоятельства, и зачем он сюда пришел. Слова его принимались с верой, потому что были с властью, основанной на близости к Богу, давшему ему всезнание. Чтобы понять хоть сколько-нибудь подвижничество о. Амвросия, надо себе представить, какой труд – говорить более 12 часов в день!

Любил старец побеседовать и с мирскими благочестивыми, в особенности образованными, людьми, каковых бывало у него немало. Вследствие общей любви и уважения к старцу приезжали в Оптину лица католического и других неправославных вероисповеданий, которые по его благословию принимали тут же Православие.

Любовь старца не была «отношением» к кому-то, это было состояние, в котором он жил. Ему было свойственно постоянное сердечное сокрушение как о своих собственных грехах, так и о грехах своих ближних. «... Должно знать, говорил старец, что если всякая добродетель приобретается не вдруг, а постепенно и с трудом и понуждением, то колыми паче любовь, как начало и конец всех добродетелей, требует к приобретению своему и времени, и великого понуждения, и внутреннего подвига, и молитвы, и прежде всего требует глубокого смирения пред Богом и пред людьми.

Смирение и искреннее сознание своего недостойнства – во всех добродетелях скорый помощник, равно и в приобретении любви. Итак, начнем каждый с той степени любви, какую кто имеет, и Бог поможет нам.

Кого тяготят грехи, тот да помышляет, что любовь покрывает множество грехов; чья совесть возмущена множеством беззаконий, тот да помышляет, что любовь есть исполнение закона (Рим. 13, 10). Любяй бо ближняго, говорит Апостол, весь закон исполни (Ср.: Рим. 13, 8). Если бы мы не достигли означенной совершенной любви, по крайней мере, позаботимся и постараемся не иметь зависти, и ненависти, и памятозлобия».

Во всем словах и действиях отца Амвросия проявлялось глубокое смирение, из него и рождалась та удивительная любовь, которая не разбирала «плохих» и «хороших». В каждом человеке видел он образ Божий.

Смирение и постоянное очищение сердца искренним покаянием, самоосуждением и молитвой создавали в душе старца светлое, мирное, радостное настроение, которое не оставляло его даже в минуты тяжелых физических страданий.

Даже в болезни он обычно шутил с окружающими, утешал слабых духом или словом, или отечески-ласковым взглядом. Обыкновенно, когда состояние старца ухудшалось, все скитские братья были в унынии. Он старался приободрить их, иногда встречая шутливо-приветливыми словами: «Терпел Елисей, терпел Моисей, терпел Илия, так потерплю ж и я».

Отец Амвросий умел вразумлять нуждающихся словом, понятным лишь тому, к кому оно относилось, ведь чаще всего ему приходилось давать свои советы при большом скоплении людей.

Например, он мог рассказать историю, которая служила ответом на сокровенную мысль кого-либо из присутствовавших. Но каждому он давал столько, сколько тот мог вместить по своему душевному устроению. Старец не имел обыкновения прямо и резко обличать кого-либо перед людьми. И не столько угрозой, сколько любовью умел батюшка вести людей к исправлению, вселяя в души их веру, что не все потеряно, и можно, при помощи Божией, одолеть врага.

Когда люди входили к старцу со своими скорбями и невзгодами, душам их становилось вдруг легко и свободно. С особенной любовью отец Амвросий относился к детям, любил поговорить с ними, приласкать, для них всегда были у него наготове сладость или небольшой подарок, и дети тоже очень тянулись к старцу, совсем не боялись его.

Среди духовных благодатных дарований отца Амвросия, привлекавших к нему тысячи людей, следует в первую очередь упомянуть прозорливость старца. Легким, никому не заметным намеком он указывал людям их слабости и заставлял их серьезно задуматься.

Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросия, сильно пристрастилась к игре в карты и стеснялась сознаться ему в этом. Однажды, на общем приеме, она стала просить у старца «карточку» – фотографию. Старец внимательно, своим особенным, пристальным взглядом посмотрев на нее, сказал: «Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?» Она поняла намек и покаялась старцу в своей слабости.

Прозорливость старца Амвросия сочеталась с другим ценнейшим даром, особенно для пастыря – рассудительностью. Старец часто делал наставления в полушутливой форме, но глубокий смысл его речей нисколько от этого не умалялся. Люди невольно задумывались над образными выражениями отца Амвросия и надолго запоминали данный урок.

Часто на общих приемах слышался вопрос: «Как жить?» Старец благодушно отвечал: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, чуть одной точкой касается земли, а остальным стремится вверх; а мы, как заляжем, так и встать не можем».

В последние годы жизни, в деревне Шамордино был устроен по благословению отца Амвросия женский монастырь, в который, в отличие от других женских обителей того времени, принимали больше неимущих и больных женщин.

Тогда женщине или девушке, чтобы поступить в монастырь, необходимо было либо купить для себя келью, либо сделать хоть небольшой взнос на обитель и содержать себя своими средствами или трудами, так как женские монастыри не имели возможности обеспечивать полное содержание монашествующим. Поэтому больные и не обладающие средствами женщины практически не могли рассчитывать на поступление в обитель, даже если имели склонность к монашеской жизни.

Вот таких бедных и обездоленных старец Амвросий принимал на свое попечение и старался как-нибудь их пристроить. Старец ежегодно в летнее время приезжал в Шамордино, чтобы лично наблюдать за всеми делами, эти посещения были для сестер большим праздником. Вскоре он задумал воздвигнуть в общине огромный каменный храм в честь Богородицы, сооружение которого было начато в 1889 году. Все эти разнообразные хозяйственные и духовные начинания побудили отца Амвросия в 1890 году переселиться в Шамордино.

Монастырь был посвящен Богородице, Ее Казанской иконе, но батюшка благословил написать и освятить еще одну икону Заступницы Усердной, ставшую благословением обители. Произошло это так.

В 1890 году настоятельница Болховского Всесвятского монастыря игуменья Илария пригласила старцу икону Богородицы совершенно нового письма: Божия Матерь на ней изображена сидящей на облаках, Ее руки подняты в благословляющем движении, внизу – сжатое поле, среди цветов и травы снопы ржи. Изображение Богородицы было заимствовано с иконы «Всех святых» главного храма Болховского монастыря, а поле со снопами написано по благословению старца.

Он назвал икону «Спорительница хлебов», показав, что Матерь Божия помогает не только в духовных нуждах, но и в земных трудах. Старец очень любил этот образ и заповедал молиться перед ним всем своим духовным чадам. Для акафиста иконе он сам написал припев: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоея и яви милосердие Твое».

Первым чудом по молитве перед иконой стал прекрасный урожай на шамординских полях и в Калужской губернии в голодный для всей России 1891 год.

Именно в Шамордино суждено было старцу Амвросию встретить час своей кончины. Он неоднократно пытался вернуться в Оптину, но это было невозможно из-за усилившейся болезни. Он уже предчувствовал, что приближается расставание с земной жизнью.

На Страстной неделе 1891 года одна близкая духовная дочь отца Амвросия привезла ему образ Спасителя в терновом венце, приобретенный по его указанию. Батюшка с великой радостью принял икону и сказал: «На что же лучше этого тернового венца!» – и поцеловал образ. Затем прибавил: «Хорошо быть у Христа Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этом кресте».

В сентябре болезнь усилилась так, что отец Амвросий потерял и слух, и голос, начались его предсмертные страдания – столь тяжелые, что подобных им, как признавался сам старец, он во всю жизнь не испытывал. 8/21 октября его соборовали, а на следующий день причастили.

Этой ночью одна из близких учениц старца несколько раз входила вместе с другой монахиней в комнату батюшки посмотреть на больного, и их обеих поразило необыкновенно светлое выражение его лица: глаза были пристально устремлены вдаль, он как будто бы беседовал с кем-то невидимым.

Узнав о крайне тяжелом состоянии старца Амвросия, в Шамордино приехал настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий. На следующий день, 10/23 октября 1891 года, в половине двенадцатого, старец, три раза вздохнув и с трудом перекрестившись, скончался.

Шамординская обитель и Оптина пустынь погрузились в глубокую скорбь, вскоре о кончине старца стало известно по всей России. Гроб с телом почившего был установлен в Шамординском храме, здесь совершались заупокойные службы. В монастырь прибыл Преосвященный Виталий, епископ Калужский. Похоронить старца решено было в Оптиной пустыни.

Погребение старца Амвросия было назначено на 15/28 октября, накануне гроб с его телом должны были перенести из Шамордино в Оптину пустынь. По окончании заупокойной литургии и панихиды, в 11-м часу дня, гроб был поднят руками сестер, поставлен на носилки и, в сопровождении икон и хоругвей, сначала обнесен вокруг церкви, а затем через весь монастырь, мимо настоятельского корпуса и заложенного при старце каменного собора, направился в Оптину пустынь.

Погода в этот день была ненастная. Холодный осенний ветер пронизывал насквозь, шел непрерывный дождь. Гроб несли попеременно то сестры общины, то оптинские монахи, то мирские духовные чада батюшки. Тысячи людей шли и ехали за гробом.

Шествие было медленное. Когда подходили к лежащим на пути селам, в храмах начинался погребальный колокольный перезвон, священники в облачениях, с хоругвями и иконами, выходили навстречу. Местные жители присоединялись к погребальному шествию. Это торжественное перенесение тела почившего старца, по замечанию очевидцев, скорее напоминало перенесение мощей.

Чин отпевания был совершен во Введенском соборе. На погребение съехалось около 8 тысяч человек. 15 октября тело старца было предано земле с юго-восточной стороны Введенского собора, рядом с его учителем иеросхимонахом Макарием. Примечательно, что именно в этот день, 15 октября, всего за год до кончины, старец Амвросий установил праздник в честь чудотворной иконы Божией Матери «Спорительница хлебов».

Над могилой старца со временем была возведена небольшая часовня, внутри которой с левой стороны помещался белый мраморный надгробный памятник с надписью, точно определяющей значение старца: «Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных». (1 Кор. 9, 22).

Сразу же после кончины отца Амвросия начали совершаться чудеса по молитвам к нему, старец, как и при жизни, исцелял, наставлял, посылал утешение. Часовня над его могилой стала местом паломничества со всех концов России.

6 июня 1988 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви Амвросий был причислен к лику святых с установлением всероссийского почитания. 16 октября 1988 г. при раскопках в Оптиной пустыни были обреты честные останки одного из оптинских старцев, ошибочно принятые за останки Амвросия и впоследствии опознанные как останки преподобного Иосифа (Литовкина).

Мощи Амвросия были обреты 10 июля 1998 г. вместе с мощами еще 6 оптинских преподобных и в настоящее время почивают в приделе во имя Амвросия, Введенского собора обители.

Память преподобного Амвросия Оптинского празднуется Православной Церковью 27 июня/10 июля, 10/23 октября, в день Собора преподобных Оптинских старцев (11/24 октября), в день Собора Тамбовских святых (28 июля/10 августа)

Слово на погребении старца отца Амвросия

Давно уже телесно изнемогал в Бозе почивший возлюбленный отец наш. Надо было удивляться, как выдерживал он столь тяжелые труды. И одна четверть их была бы невыносима для обыкновенного человека.

Только сила Божия, поддерживавшая его, только благодатная помощь Бога совершала чудо, постоянно повторявшееся и к которому мы как будто уже привыкли: видя умирающего постоянно воскресающим для воскресения омертвелою духа ближних своих.

Мы это видели, мы должны были понять, что будет же конец этой многострадальной жизни, что не всегда он будет с нами. Но вот, когда прииде час воли Божией, нас как громом поразило, и мы смотрим теперь с недоумением: неужели его уже нет, неужели мы его никогда уже не увидим, не услышим его кроткого голоса, не узрим его озаренное любовью лицо, неужели навеки сокрылось солнце, согревавшее своим теплом, озарявшее своими лучами беспросветный, часто невыносимый мрак столь многих и многих жизней... Его уже нет с нами, и мы его уже никогда здесь не увидим...

Воспоминания быстро чередую пронесаются предо мною. Мне вспоминается, как в первый раз я, еще юношей, со страхом стоял перед ним... Как сумел он утешить меня и успокоить, с каким восторгом я возвратился к себе.

Вспоминается, как в своей маленькой скитской келлии он благословил меня облечься в иноческую одежду, с каким благодушием он тогда смотрел на меня, какие наставления давал мне... Вспоминается, как ровно год тому назад прибыл я сюда, волнуемый различными сомнениями; с какою лаской, с какою любовью он разрешил все сомнения, не дававшие мне покоя. И вот ровно через год я еще увидел его, но уже сомкнулись очи, язык не глаголет, и он уже не обещает молитв, а сам просит наших молитв...

Ты сам, возлюбленный наш, постоянно повторял, и незадолго до кончины своей, утешая меня в потере отца, сказал еще раз, что смерть посылается Милосердным Господом в самое лучшее время для человека, когда его душа наиболее к ней приуготовлена.

И хотя твоя блаженная жизнь была постоянным и неуклонным служением Богу, тем не менее, проходя по законам духа различные степени совершенства, ты теперь «пошел в гроб» (Иона пророк), «как пшеница созревшая, вовремя пожатая, или якоже стог гумна, вовремя свезенный...». И да послужит нам это утешением, ибо, получив дерзновение у Господа, он там явится нашим предстателем и заступником, где не в гадании, но лицом к лицу блаженные души созерцают Господа, где светозарные Ангелы воспевают Ему непрестанно Трисвятую песнь...

Не время и не место делать теперь подробное описание качеств дорогого нашего в Бозе почившего великого старца. Его жизнь принадлежит будущему и не забудется никогда. Ибо только те, которые искали земной славы, прогремевши короткое время, после смерти быстро забываются, и зарастает тропа к их могилам. «Память же праведника с похвалами и в роды родов не изгладится...»

И теперь можно засвидетельствовать, что отличительным качеством нашего дорогого старца была та добродетель, которая является свойством верных учеников Христа и без которой все остальные добродетели – как медь звенящая или кимвал звучащий, по словам апостола. Это христианская о Бозе любовь.

Не та пристрастная языческая любовь, любящая только любящего его и делающая добро только тем, которые почему-нибудь полезны или приятны для нее. Но та любовь, которая во всех людях видит прежде всего образ и подобие Божие – и любит его, и плачет о его искажениях, если замечает их. И не гордым словом упрека встречает слабости и немощи человеческие, но все их несет на себе.

Та любовь, которая душу свою кладет за ближних своих, – выше которой, как засвидетельствовано словом Божиим, ничего не может быть. Та любовь, которая заставила одного святого в молитвах с дерзновением воззвать к Богу: «Господи, если я приобрел благодать пред Тобою, если я достиг Царство Небесное, то вели и братьям моим войти со мною: а без них и я не пойду туда...». Вот этой-то любовью было проникнуто все существо нашего батюшки.

Засвидетельствует это всяк, сколько-нибудь знающий о. Амвросия. Свидетельством этого вся жизнь его. И в самом деле: не богатство и знатность, не какие-нибудь таланты, развлекающие суетность человека, – нет, смиренная келья, убогий одр и на нем полурасслабленный с виду старец привлекал к себе православную Русь... И знатные и убогие, и ученые и прощельцы, и духовные, и мирские, мужчины, женщины и дети – все стекались сюда...

И как часто случалось, что человек, раз приехавший, и, может быть, из простого любопытства, под обаянием святой души старца оставался здесь навсегда, бросивши вся «красная мира» и посвятив себя служению Богу.

Не только слава и речи, но и самый вид, прикосновение, самое присутствие сильного духовно человека уже благотворно и спасительно действует на существо другого человека, врачующая его недуги, возбуждая его к добруму, вызывая в нем молитвы и слезы...

А возможно ли перечислить все отдельные случаи благотворительности старца!.. Кто хочет отчасти познакомиться с нею, то прииди и виждь... Посмотри на эту обитель... Здесь не рассуждали, может ли всех принятых прокормить и содержать монастырь. Нет. Здесь не было места этим малодушным рассуждениям.

Здесь твердо верили словам Христа: если и птиц Бог греет и питает, если и траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, как и Соломон не одевался в своей славе, – «то кольми паче вас» ... «Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам». Особенно любил детей почивший, он и сам имел детскую, незлобивую душу.

Пусть... расскажут, в каком иногда ужасном виде принимались они основанный им детский женский приют. Всех принимали и всем давали истинно христианское воспитание, и некоторые из них уже сделались невестами Христовыми. Надо было видеть нашего батюшку посреди детей, окружавших его, обнимающих и целующих, – как был он тут особенно трогателен, как часто мы видели тут его слезы душевного умиления...

И вот, возлюбленный наш, ты в последний раз предстал пред нами, окруженный многочисленным священным собором с самим Владыкою архипастырем нашим во главе, и ты просишь у этого сонма священников, из которых многие – твои ученики, а некоторые и сами сделались наставниками других, иноков и инокинь, просишь и всех, здесь присутствующих, духовных Детей твоих, словами священного песнопения: «Непрестанно молитесь о мне Христу Богу, – да вселит мя, ид еже свет животный».

И верь, и надейся, возлюбленный наш, что не только устами, но и сердцем воззовем и всегда будем взывать, пока есть дух в теле нашем, к Милостивому Богу: со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, – но жизнь бесконечная, но радость, но успокоение вечное или исчный покой».

Свою речь иеромонах Тихон закончил поклонением гробу почившего. Октябрь 1891 года.

Поучения старца Амвросия о перенесении болезней

Болезни телесные потребны для очищения плоти, а болезни душевные чрез обиды и поношения потребны для очищения души. Но Господь, не разделяя одно от другого, во Святом Евангелии глаголет: «в терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19) и: претерпевый до конца, той спасен будет (Мк. 13, 13).

А что здоровье твое стало трухляво: нечего делать, надо потерпеть; посылается это к смирению нашему и вообще к пользе нашей душевной. Кто болезнь телесную принимает и переносит, как должно, о том сказано, что елика внешний человек тлеет, толико внутренний обновляется. Апостол о себе говорит: «егда немоществую, тогда силен есмь» (2 Кор. 12, 10), а с нами бывает более так: немоществует тело, немоществует и душа. Но и в немощи нашей помянет нас Господь, аще понудимся, елико возможем, смиряться.

Жаль, что сестра твоя N., по-видимому, так неблагоприятно заболела чахоткою. Но Бог лучше нашего знает, что кому и когда полезнее. Мы любим друг друга по-человечески, а Бог милует нас, как Бог Всеблагий, и промышляет всячески о пользе нашей душевной...

Невозможное от человек возможно есть от Бога, который живит и мертвит, убожит и богатит. Над такими трудно и безнадежно больными исполняется силою Богоотца пророка Давида, который говорит: «наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя» (Пс. 117, 18). Может быть, и за его беспрекословное послушание он остался живым, а если бы не послушался, то очень может быть и умер бы беспомощным. Смерть его ожидала где-нибудь в дороге. Видно, еще и не у прииде час воли Божией этому быть. Послушание, брате, дело великое (1, ч. 1, с. 164).

...Судьбы Господни не испытаны. Иных Он любя ведет подобным путем скорбей и болезни для большого душевного блага, и се есть воистину Божия милость.

...За терпеливое перенесение болезни даруется и милость, и прощение грехов.

Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения.

В скорбях помолишься Богу, и отойдут, а болезнь и палкой не отгонишь.

И всякая болезнь тяжела, кольми паче болезнь рака, но делать нечего, покориться этому следует. Бог лучше нас знает, кому какая пригодна болезнь для очищения страстей и согрешений. Не напрасно святой Ефрем пишет: «боли болезнь болезненне, да мимотечеши суетных болезней болезни». Сама знаешь, что болезнь эта большею частью происходит от тревожного состояния души...

...О причине болезни смущаться не должно: святые отцы заповедуют нам не искать, от кого и за что находят скорби, а терпеть благодушно. Благодарение Бога и смиренное несение не только заглядят наши немощи и неосторожности, но и вменят нашу же вину в наше оправдание. Попущение же Божие, бывающее на пользу нашу Промыслом премудрым, от нас же и истекает. Уклоняющийся от вольных скорбей, говорит Марк Подвижник, впадает в невольные. – И все же к пользе нашей и ко вразумлению нашему, но отнюдь не к смущению.

Тропарь преподобного Амвросия

Яко к целебному источнику, притекаем к тебе, Амвросие, отче наш, ты бо на путь спасения нас верно наставляеши, молитвами от бед и напастей охраняеши, в телесных и душевных скорбех утешаеши, паче же смирению, терпению и любви научаеши, моли человеколюбца Христа и Заступницу усердную спастися душам нашим.

Кондак преподобного Амвросия

Завет пастыреначальника исполнив старчества благодать наследовал еси, болезнуя сердцем о всех с верою притекающих к тебе, темже и мы, чада твоя, с любовью вопием ти: отче святыи Амвросие, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Молитвы к преподобному Амвросию Оптинскому

Молитва первая

О великий старче и угодниче Божий, преподобне отче наш Амвросие, Оптинская похвало и всея Руси учителю благочестия! Славим твое во Христе смиренное житие, имже Бог превознесе имя твое еще на земли тебе суща, наипаче же увенча тя небесною честию по отшествии твоём в чертог славы вечныя. Приими ныне моление нас, недостойных чад твоих, чтущих тя и призывающих имя твое святое, избави нас твоим предстательством пред престолом Божиим от всех скорбных обстояний, душевных и телесных недугов, злых напастей, глоторных и лукавых искушений, низпосли Отечеству нашему от великодаровитаго Бога мир, тишину и благоденствие, буди непреложный покровитель святыя обители сея, в нейже в преуспейнии сам подвизался еси и угодил еси всеми в Троице славимому Богу нашему, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Молитва вторая

О преподобне и богоносне отче наш Амвросие! Ты поработати Господеви желая, zde вселился еси и неленостно во трудех, во бдениих, в молитвах и постех подвизался еси, и был еси наставник монашествующим, всем же людям учитель ревностный. Ныне убо, по отшествии твоём от земных Небесному Царю предстоя, моли благость Его, еже ущедрити место селения твоего, святую обитель сию, идеже духом любви твоя неотступно пребываеши, и всем людем твоим, с верою к раце мощей твоих припадающим, во благая прошения их исполнити. Испроси у милостиваго Господа нашего, да ниспослет нам обилие благ земных, паче же яже на пользу душ наших да дарует нам, и скончати житие сие привременное в покаянии да сподобит, в день же судный деснаго предстояния и наслаждения во Царствии Своем да удостоит во веки веков. Аминь.

Молитва третья

О всечестный старче преславныя и дивныя Оптины пустыни, преподобне и богоносне отче наш Амвросие! Церкви нашея доброе украшение и благодатный светильниче, небесным светом всех озаряяй, красный и духовный плод России и всея подсолнечныя, души верных обильно услаждаяй и увеселяяй! Ныне с верою и трепетом припадаем пред цельбоносною ракою святых мощей твоих, ихже на утешение и помощь страждущим милостивно даровал еси, смиренно молим тя сердцем и усты, отче святой, яко всероссийскаго наставника и учителя благочестия, пастыря и врача душевных и телесных недуг наших: воззри на чад твоих, зело согрешающих в словесех и делех, и посети нас многою и святою своею любовию, еуже славно преуспел еси еще во дни земныя. А наипаче по праведней твоей кончине, наставляя в правилах святых и богопросвещенных отцев, вразумляя нас в заповедех Христовых, в нихже добре поревновал еси до последняго часа твоя многотрудныя иноческакия жизни; испроси нам, немощствующим душею и бедствующим в скорбех, благоприятное и спасительное время на покаяние, истинное исправление и обновление нашего жития, в нем же мы, грешнии, осуетихомся умом и сердцем, предахом себе непотребным и лютым страстем, пороком и беззаконием, имже несть числа; приими убо, соблюди и покрый нас кровом твоея многия милости, ниспосли нам благословение от Господа, да понесем благое иго Христово в долготерпении до конца дней наших, чающе будущаго живота и Царствия, идеже несть печаль, ни воздыхание, но жизнь и радость бесконечная, изобильно проистекаемая от единаго, всесвятаго и блаженнаго источника безсмертия, в Троице покланяемаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Блаженная Матрона Московская

Господь, обращаясь к ученику, хотевшему пойти сначала похоронить своего отца, и только потом последовать за своим Божественным Учителем, сказал ему: «иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф.8,22). Этими словами Господь говорит нам о том, что именно Он есть Путь, Истина и Жизнь.

Только следуя за Господом можно стать причастниками вечной жизни, а все те, кто не последуют за Ним, кто не пожелает освободиться от рабства греха, уже при жизни являются духовными мертвецами.

Для того чтобы идти по этому спасительному пути, указанному нам Сыном Божиим, не обязательно обладать какими-то особыми качествами или хорошим физическим здоровьем. Надо просто открыть своё сердце и свою душу Богу. И тогда, глухие, не способные ранее к слышанию Слова Божиего, начинают слышать глас Божий, мёртвые духовно – воскресают, хромые, ходившие всю свою жизнь путями неправды, начинают ходить путями Божиими, а слепые, глаза которых были закрыты завесой страсти и греха – видят Свет Божественной Любви.

Как духовная слепота не может ничего противопоставить этому Небесному Свету, так и физическая слепота не может помешать сердцу, ищущему Бога найти Его и стать причастником Божественной благодати и жизни вечной.

Житие

Блаженная Матрона (Матрона Димитриевна Никонова) родилась в 1885 году в селе Себино Епифанского уезда (ныне Кимовского района) Тульской губернии в крестьянской семье. Её родители – Димитрий и Наталия, были людьми благочестивыми, честно трудились, но жили бедно. В семье было ещё четверо детей: двое братьев – Иван и Михаил, и две сестры – Мария и Матрона.

Прокормить такую большую семью было очень тяжело. В связи с этим, Наталия хотела отдать ребенка, после его рождения, в приют князя Голицина в соседнее село, но увидела ночью вещий сон.

Еще не родившаяся дочь явилась ей во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон за знамение, Наталия отказалась от мысли отдавать ребенка в приют. Дочь, как и было, явлено Наталии в видении, родилась слепой.

Матрона была не просто слепая, у нее совсем не было глаз. Глазные впадины закрывались плотно сомкнутыми веками, как у той белой птицы, что видела ее мать во сне. На груди девочки была выпуклость в форме креста, нерукотворный нательный крестик.

Позже, когда ей было уже лет шесть, мать как-то стала ругать ее: «Зачем ты крестик с себя снимаешь?» «Мамочка, у меня свой крестик на груди», – отвечала девочка. «Милая дочка, – опомнилась Наталия, – прости меня! А я-то все тебя ругаю...» Но Господь дал ей духовное зрение. Еще в младенчестве по ночам, когда родители спали, она пробиралась в святой угол, каким-то непостижимым образом снимала с полки иконы, клала их на стол и в ночной тишине играла с ними.

При крещении девочка была названа Матроной в честь преподобной Матроны Константинопольской, греческой подвижницы V века, память которой празднуется 9/ 22ноября.

Маленькую Матрону дети часто дразнили и издевались: девочки стегали крапивой, зная, что она не увидит, кто именно ее обижает. Они сажали ее в яму и с любопытством наблюдали, как она наощупь выбиралась оттуда и брела домой.

Дом Никоновых находился недалеко от церкви Успения Божией Матери. Родители Матроны отличались глубоким благочестием и любили вместе бывать на богослужениях.

Матрона буквально выросла в храме, ходила на службы сначала с матерью, а потом одна, при всякой удобной возможности. У нее было свое привычное место – слева, за входной дверью, у западной стены, где она неподвижно стояла во время службы. Матрона хорошо знала церковные песнопения и часто подпевала певчим. Видимо, еще в детстве Матрона стяжала дар непрестанной молитвы.

Однажды в праздник, мать Матроны собираясь в церковь на службу, позвала с собой мужа. Но тот отказался и не пошел. Дома он читал молитвы, пел. Матрона тоже была дома. Мать же, находясь в храме, все думала о своем муже: «Вот, не пошел». И все волновалась.

Когда Литургия закончилась, Наталия пришла домой, а Матрона ей говорит: «Ты, мама, в храме не была». «Как не была? Я только что пришла и вот раздеваюсь!» А девочка замечает: «Вот отец был в храме, а тебя там не было». Духовным зрением она видела, что мать находилась в храме не сердцем и душой, а только телом.

Даром духовного рассуждения, прозорливости, чудотворения и исцеления Матрона была отмечена Богом с ранних лет. Близкие стали замечать, что ей ведомы не только человеческие грехи, преступления, но и мысли. Матрона чувствовала приближение опасности, предвидела стихийные и общественные бедствия.

По ее молитве люди исцелялись от болезней и получали чего утешение в скорбях. К ней стали ходить и ездить посетители. К избе Никоновых шли люди, тянулись подводки, телеги с больными из окрестных сел и деревень, со всего уезда, из других уездов и даже губерний. Привозили лежачих больных, которых девочка поднимала на ноги.

Желая отблагодарить Матрону, они оставляли ее родителям продукты и подарки. Так девочка, вместо того чтобы стать обузой для семьи, опасались родители до её рождения, стала ее главной кормилицей.

Благодаря Лидии Яньковой, дочери местного помещика, Матрона получила возможность побывать во многих святых местах православной России. Она брала Матрону с собой в паломничества: в Киево-Печерскую лавру, Троице-Сергиеву лавру, в Петербург...

До нас дошло предание о встрече блаженной Матроны со святым праведным Иоанном Кронштадтским, который по окончании службы в Андреевском соборе Кронштадта попросил народ расступиться перед подходящей к солее 14-летней Матроной и во всеуслышание сказал: «Матронушка, иди-иди ко мне. Вот идет моя смена – восьмой столп России».

Значения этих слов матушка никому не объяснила, но ее близкие догадывались, что отец Иоанн провидел особое служение Матроны во времена гонений на Церковь.

На семнадцатом году жизни Матрона лишилась возможности ходить: у нее внезапно отнялись ноги. До конца дней своих она была «сидячей». И сидение ее – в разных домах и квартирах, где она находила приют, – продолжалось еще пятьдесят лет. Она никогда не роптала из-за своего недуга, а смиренно несла этот тяжкий крест, данный ей от Бога.

Еще в раннем возрасте Матрона предсказала революцию, как «будут грабить, разорять храмы и всех подряд гнать». Она образно показывала, как люди будут делить землю, хватать с жадностью наделы, лишь бы захватить себе лишнее, а потом все бросят землю и побегут кто куда. Земля никому не нужна будет.

Помещику из их села Янькову Матрона советовала перед революцией все продать и уехать за границу. И если бы он последовал этому совету, то мог бы избежать разграбления своего и преждевременной смерти, а его дочь – скитаний.

Односельчанка Матроны, Евгения Ивановна Калачкова, рассказывала, что перед самой революцией одна барыня купила дом в Себино, пришла к Матроне и говорит: «Я хочу строить колокольню». «Что ты задумала делать, то не сбудется», – отвечает Матрона. Барыня удивилась: «Как же не сбудется, когда все у меня есть – и деньги, и материалы?» Так ничего с постройкой колокольни и не вышло.

Для церкви Успения Божией Матери по настоянию Матроны (которая уже приобрела известность в округе, и просьба которой воспринималась как благословение) была написана икона Божией Матери «Взыскание погибших».

На протяжении всей жизни блаженную Матрону окружали иконы. В комнате, где она прожила впоследствии особенно долго, было целых три красных угла, а в них – иконы сверху донизу, с горящими перед ними лампадами. Одна женщина, работавшая в храме Ризоположения в Москве, часто ходила к Матроне и вспоминала потом, как та ей говорила: «Я в вашей церкви все иконы знаю, какая где стоит».

Несмотря на свою физическую слепоту блаженная Матрона имела представление об окружающем мире. На сочувственное обращение близкого к ней человека, Зинаиды Владимировны Ждановой: «Жаль, матушка, что вы не видите красоту мира!» – она как-то ответила: «Мне Бог однажды открыл глаза и показал мир и творение Свое. И солнышко видела, и звезды на небе и все, что на земле, красоту земную: горы, реки, травку зеленую, цветы, птичек...»

Много людей приезжало за помощью к Матроне. В четырех километрах от Себино жил мужчина, который не мог ходить. Матрона сказала: «Пусть с утра идет ко мне, ползет. Часам к трем доползет, доползет». Он полз эти четыре километра, а от нее пошел на своих ногах, исцеленный.

Однажды к Матроне на Пасхальной седмице пришли женщины из деревни Орловки. Матрона принимала, сидя у окна. Одной она дала просфору, другой – воду, третьей – красное яйцо и сказала, чтобы она это яйцо съела, когда выйдет за огороды, на гумно. Женщина эта положила яйцо за пазуху, и они пошли.

Когда вышли за гумно, женщина, как велела ей Матрона, разбила яйцо, а там – мышь. Они испугались и решили вернуться обратно. Подошли к окну, а Матрона говорит: «Что, гадко мыша-то есть?» «Матронушка, ну как же есть-то его?» «А как же ты людям продавала молоко, тем паче сиротам, вдовам, бедным, у которых нет коровы? Мышь была в молоке, ты ее вытаскивала, а молоко давала людям».

Женщина говорит: «Матронушка, да ведь они не видели мышь-то и не знали, я ж ее выбрасывала оттуда». – «А Бог-то знает, что ты молоко от мыша продавала!»

Оба брата Матроны, Михаил и Иван, после революции вступили в партию, а Михаил стал сельским активистом. Присутствие в их доме блаженной Матроны, принимавшей целыми днями народ, становилось для них невыносимым. Братья боялись репрессий. Жалея их, а также стариков родителей (мать Матроны скончалась в 1945 году), матушка в 1925 году переехала в Москву.

Москву блаженная очень любила и прожила в ней до конца своих дней. Матрона говорила, что «это святой город, сердце России». Здесь начались скитания по родным и знакомым, по домикам, квартирам, подвалам. Почти везде Матрона жила без прописки, несколько раз чудом избежала ареста.

Это был новый период ее подвижнической жизни. Она становится бездомной странницей. Порой ей приходилось жить у людей, относившихся к ней враждебно, но так как с жильем в Москве было трудно, выбирать не приходилось.

Жила Матрона до войны на Ульяновской улице у священника Василия, мужа ее послушницы Пелагеи, пока он был на свободе. Жила на Пятницкой улице, в Сокольниках (в летней фанерной постройке), в Вишняковском переулке (в подвале у племянницы), жила также у Никитских ворот, в Петровско-Разумовском, гостила у племянника в Сергиевом Посаде (Загорске), в Царицыно.

Дольше всего (с 1942 по 1949 год) она прожила на Арбате, в Староконюшенном переулке. Здесь в старинном деревянном особняке, в 48-метровой комнате, жила односельчанка Матроны, Е. М. Жданова с дочерью Зинаидой. Именно в этой комнате три угла занимали иконы, сверху донизу. Перед иконами висели старинные лампы, на окнах – тяжелые дорогие занавески (до революции дом принадлежал мужу Ждановой, происходившему из богатой и знатной семьи).

Много раз Матрону хотели арестовать. Были арестованы и посажены в тюрьму (или сосланы) многие из близких ей людей. Зинаида Жданова была осуждена как участница церковно-монархической группы.

Живя в Москве, Матрона бывала в своей деревне – то вызовут ее по какому-то делу, то соскучится по дому, по матери.

Внешне жизнь блаженной Матроны текла однообразно: днем – прием людей, ночью – молитва. Подобно древним подвижникам, она никогда не укладывалась спать по-настоящему, а дремала, лежа на боку, на кулачке.

Как-то в 1939 или 1940-м году Матрона сказала: «Вот сейчас вы все ругаетесь, делите, а ведь война вот-вот начнется. Конечно, народу много погибнет, но наш русский народ победит».

В начале 1941 года двоюродная сестра З. В. Ждановой Ольга Носкова спрашивала у матушки совета, идти ли ей в отпуск (давали путевку, а ей не хотелось ехать отдыхать зимой). Матушка сказала: «Нужно идти в отпуск сейчас, потом долго-долго не будет отпусков. Будет война. Победа будет за нами. Москву враг не тронет, она только немного погорит. Из Москвы уезжать не надо».

В день Матронушка принимала до сорока человек. Люди приходили со своими бедами, душевной и телесной болью. Она никому не отказывала в помощи, кроме тех, кто приходил с лукавым намерением. Исцеляя больных, матушка требовала от них веры в Бога и исправления греховной жизни.

Так, одну посетительницу она спросила, верует ли она, что Господь силен ее исцелить. Другой, заболевшей падучей болезнью, велела не пропускать ни одной воскресной службы, на каждой исповедоваться и причащаться Святых Христовых Тайн. Живущих в гражданском браке она благословляла непременно венчаться в Церкви. Всем обязательно носить нательный крест.

З. В. Жданова рассказывает, что в 1946 году в их квартиру, где жила тогда Матрона, привели женщину, которая занимала высокое положение. У нее сошел с ума единственный сын, муж погиб на фронте, а сама она, была безбожницей. «Я пришла к вам от отчаяния», – сказала она, – «мне идти некуда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.